

Николай Тимофеев
*Русь в поэмах: Князь Игорь.
Княгиня Ольга. Князь Святослав*

Николай Тимофеев

**Русь в поэмах: Князь Игорь.
Княгиня Ольга. Князь Святослав**

«Издательские решения»

Тимофеев Н.

Русь в поэмах: Князь Игорь. Княгиня Ольга. Князь Святослав /
Н. Тимофеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901555-6

В книге «Русь в поэмах» я пытался древнюю историю осмыслить, подобрать хорошие слова и правильно их расставить. Надеюсь, что читать будет полезно и нескучно, как детям, так и взрослым.

ISBN 978-5-44-901555-6

© Тимофеев Н.
© Издательские решения

Содержание

Князь Игорь	6
Княгиня Ольга, правление за малолетнего сына	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Русь в поэмах: Князь Игорь. Княгиня Ольга. Князь Святослав

Николай Тимофеев

© Николай Тимофеев, 2017

ISBN 978-5-4490-1555-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Князь Игорь

Эль Греко. Портрет короля. Париж, Лувр.

По смерти Олега вступил на престол
Князь Игорь, созревший, сложившийся муж.
Достойный преемник на Царство пришёл,
Но против Олега был Игорь не дюж.

Черты, да и внешность, он взял у отца:
Могучий варяг, образец идеала,
Вот только характер с иного конца,
Природа на Игоре тут отдыхала.
Свирепости, стойкости в Игоре мало,
Ему бы дать норв от предка Вандаля,
Тогда не сыскать на земле молодца.

Владел он копьём и мечом, и кинжалом,
С полсотни шагов бил стрелой куницу.
Дружина за доблесть вождя уважала,
За броскую внешность любили девицы,
Но всё же чего-то ему не хватало,
Да тут ещё дядя заставил жениться.

Был Игорь жены старше больше, чем вдвое,
Обычное дело в семье в старину.

Доволен женою, а Ольга судьбою,
Любил князь свою молодую жену.

Беда не в жене, жена не напасть,
Но родичей тьма, комариные тучи,
Надеются все, что от князя получают
Богатые земли и деньги, и власть.

Интриги росли вокруг Олегова сына,
Такое же имя носил он – Олег.
Престол ли делить и отдать половину,
Иль брата убить и взять на душу грех?
Но Игорь сказал: «Ты бери-ка дружину,
Иди на Дунай и живи там, Олег»

С боями Олег по Европе центральной
В Моравию прибыл, там стал королём.
Не густо известий о времени дальнем,
Но в хрониках древних есть память о нём.

Крестился Олег в христианскую веру,
В крещении взял Александрово имя.
Был мудрый король, да и храбрый без меры,
Но был неудачлив делами своими.

В сражениях с венграми Игорь помог,
С годами братья меж собою сдружились,
Дружины Руси за Моравию бились,
Войну проиграли, судил видно Бог.

Бежал Александр за помощью в Польшу,
Склонял Земомысла на венгров напасть,
Усилить в Европе славянскую власть.
Престол потерял, силы угров побольше.

Олег-Александр пережил лет на двадцать
Игоря князя и умер в Руси.
Нередко пришлось им по жизни встречаться,
Но власти у Игоря он не просил.

На первый же год взбунтовались древляне:
Не будем, мол, дани на Киев платить,
Ведь ты не Олег, обойдёшься без дани,
Нам лучше бы на зиму шубы пошить.

Подумал князь Игорь: «Получите шубы,
К зиме я лишу вас и собственной кожи,
Я тот же Олег, но немного моложе,
Забудут крамолу нашептывать губы»

Явился поутру с полком в Коростень,
Древлянскую с ходу рассеял дружину,
А жителей мучил и бил целый день.
Налог увеличил почти вполовину.

От Волги до Дона хазары в степях,
К Дунаю с порогов грозят печенеги.
Турецкое племя посеяло страх,
Готовят на Русь непрерывно набеги.

Заняли Молдавию, сели на Буге,
В Галиции всюду кибитки, шатры.
России кочевники вовсе не други,
Опасны соседством, их сабли востры.

Одно хорошо, что воюют отряды:
То вдруг печенеги идут на хазар,
А то и хазары им в тыл из засады,
Награбленный всё не поделят товар.

Князь Игорь сумел замирился на время,
Умаслил он как-то турецкий народ.
Лет пять не грозит печенежское бремя,
А дальше..., а дальше, как дело пойдёт.

Врубель. Богатырь. фрагмент картины

У князя войсками Свенельд воевода
Командовал, будто министр обороны.

Незнатного рода он был, из народа,
Варяжской породе не надо короны.

Свенельд начинал воевать у Олега.
Десятником, сотником, тысяцским стал,
За то, что достиг Византийского берега,
Теперь вот и верхний занял пьедестал.

Князь поручил ему важное дело:
Собрать от земель ежегодную дань,
Особенно там, где уплата созрела,
А местный правитель дерзает на брань.

От многих земель добровольно получают,
Доставят товары на княжеский двор.
Строптивых наместников надо примучить,
Исправно исполняют тогда договор.

Свободные углича дань не платили,
Три года Свенельда встречали мечом.
Без вашего князя недурно, мол, жили,
Мы в силе, а корысть мечом пресечём.

Поднялся с оружием народ за свободу
У стен Пресечена, их древней столицы.
Свенельд непременно желает сразиться,
Три года в осаде – расходы, расходы..
Бездельем дружинам-то сколько томиться?

Измором Свенельд победил Пресечен,
Примучил людей, обложил их налогом,
Поклясться заставил всеильным Сварогом,
Что Игорю будут служить без измен.

Ян Капелле. Морской парад. Амстердам.

Князь Игорь направил и в дальние страны
Приличную армию малость разжиться,
По Волге на Каспий велел торопиться,
Пред тем замирился с хазарским каганом.

Вошло в устье Дона полтыщи судов,
На каждом гребцов, ополченцев до ста.
Собрались с селений Руси, городов,
Погрabitь на западе моря места.

Каган пропустил, половину добычи
Отдать за бездействие россы клянутся,
Поделят по чести, когда возвратятся.
Посул без сражений царю непривычен.

По волоку вышли от Дона на Волгу,
Недолго до Каспия плыли суда.
Каган дружелюбен, затем и недолго,
Покрыта на время хазаров вражда.

Судов караван на Азербайджан
Нацелился, княжества, царства круша.
Язычники россы пожгли бусурман,
Велика добыча и жизнь хороша.

Пока позволяла на море погода,

Примерно полгода, чинили разбой.
Всех женщин, детей увели у народа,
Защитник прощался с своей головой.

Пытались от ужасов жители скрыться,
Купцы на судах повезли к островам,
Да видно надеждам спасенья не сбыться,
Их русские струги встречали и там.

Суда потопили, убили мужей,
Имущество на борт к себе погрузили,
Невольников взяли из жён и детей,
А кто не годился, тех тоже убили.

Вернулись на Волгу, от устья реки
Послали кагану богаты трофеи.
Каган о союзе совсем не жалеет,
Но воины мыслят ему вопреки:

«Позволь нам разделаться с этим народом, —
Царю мусульмане князья говорят, —
Дома наших братьев от россос горят,
На крови детей проросли их доходы,
Сестёр, дочерей для продажи пленят.
По нашим законам положена месть,
Лишь кровь восстановит поругану честь»

По Волге пустили войска в западню,
Не думали люди ислама о братьях
И вот, к Мухаммаду спешили с проклятьем,
Свершая намазы раз по пять на дню.

И месть хороша за поругану честь,
Вернуть бы богатства от россос неплохо,
Уж коли надежда взять золото есть,
Все молятся богу единому – Молоху.

Пополнили рать мусульман христиане,
Полками союзники шли из Итиля.
На Волгу войска привели не в аркане,
Названьем одним христианами были.

Князь Игорь, конечно, великий стратег:
До Каспия армия шла без потерь,
Такого придумать не смог бы Олег,
В капкане сидят, что же делать теперь?

Хазарский каган известил россиян,
Что войск мусульманских сдержать он не может.

С своими война – то себе и дороже.
Ответственный, честный попался каган.

Что ж, вышли на берег и встали стеною,
Хватает у россов оставшихся сил.
Трофеи и пленники их за спиною,
Но дух боевой уж далёко парил.

Три дня и три ночи звенели мечи,
Летели горящие стрелы на струги,
Чужих и своих подожгли палачи,
Пленённых топили кагановы слуги.

Что взять удалось – никому неизвестно,
Для зверя и птицы есть пища в избытке,
Валяются трупы людей повсеместно
И раненых корчат предсмертные пытки.

Прорвались по Волге в челнах поредевших,
Дойти не смогли до сухой переправы.
Исходит беда от болгар подоспевших,
Мордва совершает свой подвиг кровавый.

От армии мощной вернулся лишь полк,
Людей сохранённых до сотни едва ли.
Походы прервали, какой же в них толк?
Лет тридцать о войнах в России не знали.

В двадцатом году печенеги напали,
Свенельд отражал их орду от границы.
Охотились люди, да землю пахали.
Об Игоре в памяти мало хранится.

Известно, князь Игорь в тридцатые годы
На помощь Царьграду направил свой флот,
Надеялся взять от похода доходы,
Задаром сражаться никто не пойдёт.

В Италию вместе пошли мореходы,
Союзная армия: россы и греки.
Опять поклялись в своём братстве навеки,
Всю поровну прибыль и равно невзгоды.

А пять лет спустя, в сорок первом году,
Науськали князя напасть на Царьград,
Себе на беду объявили вражду,
Боярский совет в той войне виноват.

Возглавил сам князь Черноморский вояж,

Его предваряли недолгие сборы.
К чему разговоры, тут важен кураж
И вот уж в Босфоре бойцы черноморы.

Роман Лакапин, государь Византии,
Узнал от болгар о движении флота,
Но то ли заботы смутили другие,
А то ли надеялся царь на кого-то:
Не вовремя армию выслал Роман,
Пожары бушуют и слёз океан.
Ограбили церкви и монастыри,
Язычник в земле беззаконье творит.

Но вот ранним утром сквозь лёгкий туман
Видны очертания сотен судов,
Ведёт к берегам корабли Феофан.
Князь Игорь к сраженью давно уж готов.

На рейде близ Фара России армада
На борт поднимает с глубин якоря.
По правилам надо рассеять блокаду,
Для флота законы диктуют моря.

Намерены клином рассечь Феофана
И с тыла опутать в двойное кольцо,
Бросать на имперские струги арканы,
На выкуп пленённых взять больше бойцов.

При ветре попутном наверх паруса,
Готовы к броску абордажные крючья.
Идут на сближение, лишь полчаса
И каждый своё по удаче получит.

Врезались клином почти в середину,
Греки сойтись поплотней не успели.
Разбили у флота его сердцевины,
Вот русские стрелы согласно запели.

Как тучи на греков роями летели,
Достаточно дротикам кожи коснуться,
Намазаны ядом, уснут – не проснутся,
Но редко они достигали до цели.

Идут, растекаясь на две половины,
Манёвр выполняя до точности метра.
По ветру их снасти и стонут вершины
У мачт кораблей от попутного ветра.

Построились в линии россы по тылу,

От силы удара зависит успех,
А сил бы на двух Феофанов хватило,
Но нынче мечты россиян из прорех.

И греки к противнику встали бортами,
Какие-то трубы нацелили в россов,
Насыпали в трубы чего-то ковшами
И факелы днём запалили матросы.

Послышалось слаженно, сдавленно – фух!
От греков летели шары из огня,
Смердящий, пылающий ужаса дух
И каждый подумал: летит на меня.

Такого язычники век не видали:
Во власти врага быстрых молний полёты,
Горят корабли, да и страху нагнали,
Всё снова и снова плюют огнемёты.

Подумали: греки Перуна купили,
За золото молнии отдал Сварог.
Мы плохо кормили и мало платили,
Ушёл к христианам языческий бог.

Шального вреда нанесли огнемёты,
Российские струги, как свечи горят,
А паника ширит свои обороты,
Расстроен судов обозначенный ряд.

Князь Игорь команду даёт к отступленью,
В открытое море уплыли без чести.
Потерей громадной грозит промедленье,
Но князь не оставил намерений мести.

На Малую Азию флот устремился,
Разбойников явно не ждут берега.
В Вифинии сильно наш князь удивился,
Он встретил там мощного, злого врага.

Варда Патрикий с отборной пехотой,
С конницей резвой Доместик Иоанн
Напали, проделали славно работу,
Пиратов рассеяли, словно туман.
Отбили у князя к наживе охоту,
В Россию потрёпанный шёл караван.

Эжен Делакруа. Состязание. Париж, Лувр.

Три месяца Игорь пытал своё счастье,
Судьба утаила триумфу подарки.
Как видно, победы не в княжеской власти,
Но кто же на свете прожил без помарки.

Империя глыба, не сдвинешь наскоком,
Войска Византии – стальная броня,
Фортуна вертелась то задом, то боком,
Да тут ещё грекам дал кто-то огня.

Бояре всё шепчутся, князя бранят,
А бабы желают шелков, поволоку.
Князь принял решение с первого дня:
Война до победы, от мира нет проку.

Два года наращивал мощь боевую,
Варягов на помощь за плату призвал,
Нанял печенегов, дружину такую
Увидеть Царьград у себя не желал.

Князь взял печенегов в залог, аманатов,
Измена кочевников россам известна.
Забрал жён любимых у ханов женатых,
А жёны согласны – им с Ольгою лестно.

Потратился Игорь, казна на пределе,
Побед не добудет – Россия банкрот.
По берегу конница, по морю флот,

Сразиться удачно уж так захотели,
Что стал невозможным неясный исход.

Корсунцы шпионов послали к Роману:
«Побойся русинов Роман Лакапин,
Они, как поганки, покрыли поляны,
Не в силах исчислить мы русских дружин.
По морю к Дунаю судов караваны,
Полмира идёт на тебя, господин»

Немедля лазутчиков шлют и болгары:
«Царь, движутся полчища, как саранча,
Пожрали Приморье, пылают пожары,
Задобри товаром, не бей их с плеча.
Князь Игорь корыстен, обманется даром,
Получит богатства – уйдёт сгоряча»

Послов император направил к Дунаю:
«Возьми, храбрый князь, от империи дань.
Что просишь – немедленно мы доставляем,
С тобой не нужна нам кровавая брань.

Дадим тебе то же, что дали Олегу
И даже прибавим за доблесть твою.
Заплатим варягам, войскам печенегов,
Ты более, князь, не добудешь в бою»

Князь Игорь созвал воевод и бояр:
«Каков ваш ответ Византийским послам?
Принять ли тотчас нам обещанный дар,
Иль войско направим к Царьградским вратам?
Скажите, о други, решение ваше,
Испить ли Роману кровавую чашу?»

«Князь Светлый, сегодня мы в думах едины:
Когда без войны откупается царь,
То наши сердца не застывшие льдины,
Забудем о мести, Руси государь.

Даёт Лакапин серебра, паволоки
И золота много, что требовать боле?
Не будем с народом задаром жестоки,
И мы и они погуляем на воле.

Известно ли: мы иль они одолеют,
А с морем изменчивым кто же советен?
Вдруг бурю внезапные ветры навеют!
Бери, князь, дары, нет ущерба от сплетен»

Князь выделил плату нанятым войскам,
А сам возвратился с дружинами в Киев.
С лихвой получил по посольским словам
И помыслы к миру направил благие.

Подобно Олегу, послал в Византию
Князь Игорь по морю своих делегатов.
В Руси времена наступили другие,
Посольство числом уж без меры богато.

Отдельно от Игоря, русского князя,
От Ольги княгини ходатай особый,
Да от Святослава за даром оказия,
О сыне, конечно, заботились оба.

Ещё от двух нетиев – дети сестры,
От многих других, приближённых по крови.
Коль речь о подарках, на сборы быстры,
Упорны, настойчивы делом и в слове.

С посольством пошли в Византию купцы,
Меха повезли и пчелиного воску.
Для свеч заказали святые отцы,
Вощили они и иконную доску.

С большим торжеством к воротам Цареграда
От Игоря князя, от Русской земли,
Подходит теперь уже с миром армада,
Дары и товары везут корабли.

В столице империи русские гости
Дивятся на роскошь дворцов, чудеса.
На мраморе в термах распарили кости,
С костями приходит в порядок душа.

Роман Лакапин в обольщеньях силён:
Пиры, фейерверки для русских бояр,
Камень, шелка для наложниц и жён,
Для каждого гостя особенный дар.

Купцы разложили меха на базаре,
За зимних стремятся всучить соболей.
Мол, если слегка седина на товаре,
То рухлядь бесценна, с сибирских полей.

По сороку снизками беличьей шкуры,
Что сверху – ворсисто и длинно, и густо,
Внизу – не узнаешь звериной природы,
Есть морда и хвост, остальное же пусто.

Но царь повелел всё скупать без разбора,
Да дать поволоки не дюжей ценою.
Сказал: «Наверстаем убытки мы скоро,
Не время быть в ссоре нам с Русской страной»

Пока проводили в веселии время,
С гречанками нежилась русская знать,
Мужи умудрённые тяжкое бремя
Несли многодумно, нет времени спать.

По выгоде общей условия мира
Доходчиво, ёмко в слова облекали.
Серьёзное дело, уж тут не до пира,
Закон будет в силе в неведомой дали.

«Мы посланы Игорем, князем Великим,
От многих княжений Российской земли.
От всяких родов и племён многоликих
Мир ветхий с царями восполнить пришли.
С царём Константином, Романом, Стефаном,
Боярством и греками всеми страны
О мире глаголить должны долгожданном
На многие лета без ссор и войны.

Доколе над землями солнце сияет,
Нарушить союза ни русич, ни грек,
Крещённый, язычник да пусть не дерзает,
Но будет да проклят такой человек.

Диаволу делаем мы вопреки,
Поборнику зла, враждолюбцу, вовеки.
Да будут слова между нами крепки,
В любви да пребудут с русинами греки.

Крещёных отступников Бог Вседержитель
На вечную гибель по клятве осудит,
А всем некрещёным Перун покровитель
Помощником в деле коварном не будет.

Да не защитятся своими щитами,
От собственных стрел и мечей да падут,
Свободы лишатся, да будут рабами
На веки веков, кто союз предадут.

Великий князь Русский, бояре свободно
С гостями, послами да шлют корабли.
По ранним уставам, пока судоходно,
С печатями князя пройти все могли.

Носили печати послы золотые,
А русские гости печать серебра.
Разбойники делали те и другие,
В Царьград проникали не для добра.

Отныне пусть с грамотой князя приходят,
В которой описаны мирные цели,
Число кораблей, сколько едет народа,
Чтоб лишние в город прорваться не смели.

Придут без грамоты – будут под стражей,
Доколе мы князя не известим,
Кто станет противиться – смертью накажем,
О беглых в Россию – уведомим.

Все русские гости живут под охраной.
Чиновник царя разбирает их ссоры,
Коль с греком возникнут и властию данной
С гостей совершает законные сборы.

На всякую ткань, как та выше ценою
Полсотни червонцев, приложит печать.
Гостям невозможно остаться зимою,
С охраной из Греции их отправлять.
На Русь убывая, в дорожные сборы,
Припасы готовятся по договору.

Когда уйдёт невольник из Руси,
То русские да ищут и возьмут,
Коль не отыщут – клятву принесут,
Лишь после могут выкупа просить:
Как прежде в договоре, сумма дани:
За каждого невольника две ткани.

Когда же раб из Греции бежит,
С поклажею по морю к россиянам,
Вернуть его с снесённым надлежит,
Два золотых награда за охрану.

За кражу вещи русином у грека,
А также кражу греком у русина,
Сурово да накажут человека
И цену вдвое большую отнимут.

Когда русины приведут в Царьград
Тех пленников, что в Греции забрали,
По десять золотых им дать у врат
За юношу, в неволе что держали

И столько же за добрую девицу,
Когда она из плена возвратится.

За середовичей по восемь золотых,
За старца и младенца по пяти.
За русских в Греции принять по десяти,
А за рабов – как грек платил за них
И споров о цене не может быть при том,
Когда хозяин грек её объявит под крестом.

Князь русский да не присвоит власти
Над землями Херсонской стороны.
Ему поможем в случае напасти,
Получит всё, что нужно для войны.

С ладьями, что найдут у берегов,
Да будут поступать впредь по закону.
Да не обидят греческих послов,
Не быть обкраденным и также полонённым.

Да не творят корсунцам россы зла,
Ловящим рыбу в устье Борисфена.
Да сотворят за лето все дела,
К зиме в дома вернутся непременно.

Князь русский болгаров чёрных воевать
В страну Херсонскую да вовсе не пускает,
А коли надобно, направим князю рать,
Россия с Грецией друг другу помогают.

Преступников из Греции в Руси
Наказывать князь власти не имеет,
Когда же царь для казни их просил,
Направить с стражею, то в Греции содеют.

Когда христианин убьёт русина,
Или последний грека умертвит,
Да будет пойман ближними, убит.
Коль домовит, то мера к ним едина.

А если уличат на краже вора,
Или увечья кто-то сотворит,
Принять условия Олега договора,
Казнить именем, не будет вор убит.

А ежели потребуют войска
От князя русского из Греции цари,
Исполнит князь их волю. На века
Молва по свету голубем парит:

И да увидят через то иные страны
В какой любви Русь с Грецией живут.
Тогда на них внезапно и нежданно
Под устрашением уж впредь не нападут.

В двух хартиях условия сии:
Одна останется у греческих царей,
Другую, князь, посланники мои
Доставят в Киев морем поскорей.

«И да клянутся истину союза Великий Князь Русский Игорь
и люди его все хранить: Христиане в Соборной церкви
Святого Илии Предлежащим честным Крестом и сею
хартиєю, а некрещёные, полагая на землю щиты свои,
обручи и мечи обнажённые»

Поклявшись в церкви, с хартиєю мира
Направил император в Русь послов.
С почётом приняли, дарами, шумным пиром,
Союз хранить князь Игорь был готов.

Язычники поклялись пред Сварогом,
К холму священному оружие сложив,
Обильно золото рассыпав перед богом,
Союз хранить, покуда каждый жив.

Крещёные русины, христиане,
Живому Богу клятву принесли,
В Соборной церкви, стоящей на кургане,
Что не обидят Греческой земли.

Послы вернулись в Грецию с мехами,
Пчелиным воском и иным товаром,
Своими пленными, дарёнными рабами,
О мире хартией. Сходили в Русь недаром.

Глубокой осенью, всего лишь через год,
По ноябрю, на первые морозы,
Когда под Киевом ложится снег и лёд,
Просили князя воины сквозь слёзы:

«Великий князь – зима, мы босы, наги,
А отроки Свенельдовы богаты.
Пойдём-ка в дань, довольно в нас отваги,
Возьмёт дружина нужное по хатам»

Давным давно в Руси заведено:
Князь собирал налоги до апреля,
Суды вершил, крутил веретено,

Чтоб механизмы власти не ржавели.

Но Игорь князь за данью отродясь
Ходить с дружиною зимою не любил.
Свенельду воеводе старый князь
Теперь совсем уж хлопоты вручил.

У князя отроки не бедно зимовали,
За год от Греции всей дани не пропьёшь,
Наги, да босы, голодны? – едва ли,
Но клюнул князь на отрокову ложь.
Сказал: «Пойдём, где нас давно не ждали,
Где дань богатую без боя обретёшь»

Пришла дружина с князем в Коростень,
Древлянский город под правленьем Мала.
Как будто тень затмила в небе день:
Дома громят, да шарят по подвалам.

Беды такой давно страна не знала,
Сравнить Свенельда с Игорем нельзя,
Те брали чинно, словно бы друзья,
А эти рвут с младенцев одеяла.

Обременил князь тягостным налогом,
Всех до последней шкурки обобрал.
Уж больше нет – клянутся люди богом,
Но князь с дружиной грабить продолжал.

Клавдий Лебедев. Князь Игорь собирает дань.

Вконец насытившись, с тяжёлою поклажей,
Напившись мёду, двинулись домой.
Никто не думал, что добыча – кража,
В те времена геройством был разбой,
Когда от власти – это подвиг даже.

Давно прошли древлянскую границу,
А Игорь вздумал пятиться назад.
Сказал: «Пройдусь, мне надо возвратиться»
С собой повёл он маленький отряд.

Встречают по дороге люди Мала,
Сказали: «Князь, мы всё вам заплатили,
Во что одеться, что поесть – не стало,

Что отыскать в амбарах, кроме пыли?»

Князь размышляет: «Верно ль слово это,
Уж так пуста Древлянская земля?
Вот мудрецы, в лесу по ямам где-то
Ещё лежат куницы, соболя.

Князь Мал собрал пред идолом старшин:
«Вот снова волк идёт в овечье стадо,
Пока ягнёнок будет хоть один,
Он не насытится, убить поганца надо»

Все, как один, древляне ополчились
Единодушно Игорю навстречу,
На князя старого, корыстного озлились,
Что о пощаде быть не может речи.

Какой тут бой, довольные собой,
Да предвкушая новые богатства,
Шли люди с Игорем звериной тропой
Ограбить подданных, убить законы братства.

Их окружили на лесной поляне,
Расправа длилась где-то полчаса,
Кололи вилами дружинников древляне
И уносили витязей в леса.

В ложбине общей закопали недалёко,
Над ними не насыпали холма.
Прodelали всё в спешке и жестоко,
Да что тянуть-то? – холодно, зима.

А князя Игоря рогатиной с коня,
Как вепря дикого, ревущего, свалили.
Последним словом светлого браня,
Со всех сторон ногами долго били.

Затем к земле пригнули деревья,
К ним привязали Игоря за ноги..
О смерти страшной поползла молва,
Великий князь схоронен был в берлоге.

По срокам Игорь, как Олег
Жил на земле и столько правил.
Такой же был его успех?
Державу целою оставил,

Равна Россия Византии!
Жизнь сложная, кончина – драма,

Но были времена другие,
А мёртвые не имут срама.

Княгиня Ольга, правление за малолетнего сына

Княгиня Ольга. Икона.

Киев, княжии палаты – белокаменный дворец,
Из конца в конец резьбою разукрашенный богато.
По фасаду красотою спорят пять больших крылец,
В центре с кровлей золотою, против – врата.
Набраны из плах дубовых, инкрустированных медью.
Скобы, крепкие засовы и оковы из металла.
Двор обширный, сплошь амбары, полны снеди.
Лужи подо льдом мерцают, снегу мало.
Частокол на три сажени, ров снаружи,
Тротуары к бане, клетям – скот не в стуже.

На конюшне рысаки малы, быстры и крепки,
Седоков далёко носят за желанною добычей.

Кони к тяготам привычны, в гору на подъём легки,
Как верблюды экономны: по затратам корму вычет,
По неделе есть не просят, говорили старики.
На конюшне под попоной им уют, овёс жуют,
Днём выводят на прогоны. Коней россы не куют.

По забору в отдаленье приглушённый пёсий лай,
Не умолкнут на мгновенье, псам охоту подавай.
Зайцы жиру нагуляли, князя ждут,
Лай напрасен: князь с дружиной не придут.
Княжич ежели захочет – Святослав,
Мал, но любит, между прочим – властный нрав.
К соколиной, пёсией травле приучил мальчика Асмуд,
А Свенельд твердит о славе, стойкой властности, державе,
Нет покоя Святославу и на несколько минут:
Челядь, слуги спины гнут, тож намёк о властном праве.

Альфред Менцель. Альфред Великий. Швайнброт, музей.

От ворот к крыльцу ступени, ровным счётом пятьдесят,
Всё гранит цветной, да кремень – не скрипят.
В ночь глухую по ступеням бродят тени,
Жалко стонут об измене, то ли просятся назад,
Бродят души тех ребят, что погибли в Коростене.

Вход, двухстворчатые двери, сверху дуги,
Между ними щит прибит – это память об Олеге,

Драгоценный круглый щит и звери в круге
И ладья под парусами – это память о набеге.
Прямо – гридница, вмещает человек до пятисот.
Коли пир князь учреждает, то мужи тут заседают,
За дубовыми столами мёд рекою потечёт
И все важные проблемы князь с дружиною решает.

Пол мозаичный, картины набирала мастера,
Площадь замыслом едина, будто сделана вчера:
Предосенняя пора, воды, стаи лебедины,
Солнце скрылось вполонину, лес, гора.

Стеллажи вдоль стен рядами с византийскою посудой:
Груды кубков, чарок груды и рога,
Блюда – золото, а ложки весом, серебро, два пуда,
Свезены из стран далёких, доходил Олег докуда,
Где ступала и Аскольда, князя Игоря нога.

Откупался часто златом император от Руси,
Раз последний у Романа князь короны попросил:
«Подари мне царь два трона и имперские короны,
Предо мной склонил знамёна, мне и Ольге чтоб носить.
Мы даём меха и шкуры, дай нам мантии пурпурны,
Что подбиты горностаем, плечи мантией покрыть.
Дай ещё ту смесь, которой сжёт мои ты корабли.
Мы союзники, коль скоро лихоимцы б подошли,
Печенеги и болгары, то смогли б огнём накрыть.
Обещаю я секреты, тайну огненную эту, сохранить»

Царь ответил в отговорку: «Не людское ремесло
От набега нас спасло, это Ангелы от Бога
Преградили вам дорогу, их несметное число.
Христианский стольный град от набегов защищают,
День и ночь стоят у врат. В Византии всякий знает:
Я секретом не богат, Ангел огонь приготавлиет»

Всё же дал Роман со смесью князю глиняный горшок.
Игорь видит: порошок дно сосуда покрывает на вершок,
А от смеси вонь такая, даже хори убегают,
Сунул князь на всякий случай гадость данную в мешок.

Но короны император князю русскому не дал,
Вместо обручи из золота с камнем редким навязал
И сказал: «Я Помазанник от Бога, Патриархом Византии
В храме имени Софии венчан ею на престол.
Ты язычник, князь, в России есть собор – «Святой Илия»,
Я б прислал тебе короны, коль креститься ты б пошёл.
Шкуру агнца не оденет дикий волк,
Походи-ка без короны, вот тебе парча и шёлк,

Да возьми ещё два кресла, чем не троны?
Я скажу открыто, честно – нет язычнику короны»

Кресла в гриднице стоят сбоку лавок сиротливо,
Гости пьяные на диво смотрят, даже посадят, —
На скамейках всё же лучше, ненадёжно как-то, криво,
Для девиц они игривых – им красиво.

Эжен Делакруа. Борьба Иакова, фрагмент картины.

В стену вбиты костыли, а на них висят доспехи,
Кое-где уже в пыли: латы, обручи, мечи,
Хитро сплетены кольчуги – всё для воинской потехи,
Дней былых напоминанье, были битвы горячи.
Возле лат Аскольда, Дира три свечи,
Княжьи родичи приносят, крещены Аскольд и Дир,
Затеплить в их память просят, не творить им тризну, пир.

Князя Игоря кольчуга пороскошней, чем Олега.
У Олега шлем и латы от ударов все измяты,
Но с эфесом золотым и в камнях меч булатный.
Князю Игорю приятней были пиршество и нега.
Нету Игоря, погиб, и его доспехи святы.

Горниц, спален во дворце для гостей и слуг немало.
Святослав без одеяла спит с улыбкой на лице,
Горе к сердцу не пристало, он не знает об отце,

От известий страшных челядь князя строго охраняла.
На большой медвежьей шкуре княжич спит,
Ольга малого бранит, что он выбросил перину
И игрушек половину, лишь оружие хранит.
Говорит малыш лукаво: «На перине больно спину»,
А Асмуд ему вторит: «Князь проспит на ней всю славу»

Воспитатель и смотритель князя юного Асмуд.
Из варягов предводитель, седовласый великан,
Он из тех, кого стихии, войны, годы не согнут,
В ком зачатки есть благие, ум самой природой дан.
Дипломат, переговорщик, преимуществом боец,
Изворотливый притворщик, мореход, знаток наук,
Звездочёт, гадатель точный и кудесник, наконец.
Святослав любим Асмудом даже более, чем внук.
Княжич в нём души не чаёт, от себя не отпускает,
Спит всегда в одной палате с воспитателем малец.

В закутках рабы и слуги отдыхают от забот,
Эта ночь пройдёт в испуге, смерть дежурит у ворот.
Месть творить круговорот вскоре в княжестве начнёт,
Гибель Игоря с дружиной Малу даром не пройдёт.

Вот княгини Ольги спальня, к югу левое крыло.
Тридцать с лишним лет прошло, как семейное тепло
Берегла опочивальня, поселилось нынче зло,
Холод в душу проникает с вестью горькой и печальной,
Сколько помнится, впервые мрачно Ольгино чело.

Облицованы хоромы кипарисом из Корсуна и орехом,
Пол дубовый гладко выструган, обильно навощён.
Относилась Ольга к камням, да и к роскоши со смехом:
«Хладный камень силы тянет, не для жён»

Сверху внешняя стена цедит в спальню скудный свет,
Сквозь витраж цветной из стёкол смотрит в комнату луна.
Ольга в комнате одна, никого с ней рядом нет,
Только горе, только слёзы, ночь печали отдана.

Много места занимает деревянная кровать,
Под парчовым одеялом, не разобрана, не смята.
Третью ночь, тоской объята, не ложиться Ольга спать,
Ночь прошла в воспоминаньях: не вернёшь того, что взято,
Не взломаешь смерти врата. Надо дело принимать.

Первым делом славянина: соблюсти по роду честь,
Средство есть для всех едино – это месть.
Мстит всегда отец за сына, брат за брата,
Кровь на жертвенный алтарь проливает виноватый.

Мсть за князя многократна – дело свято.
Князь убит, неизвестно где лежит, а княжич мал,
Год пошёл всего лишь пятый, сил пока что не набрал,
Через кровь путь к чести, славе, – Святослав ещё не знал.

Клавдий Лебедев. Княгиня Ольга.

До времён, пока войдёт он в совершенные лета,
На княгине Ольге тягость управления Россией,
Благоденствие народов, сбора дани суета.
Русь соседи превозмочь не должны военной силой,
Наготове содержать важно мощные дружины,
Послаблений не давать – будет Русь тогда едина.

Есть у Ольги в деле хватка, есть и властная повадка,
Не всегда ей было сладко, для княжения всё есть.
Нет в Руси ещё порядка – всё блуждала в ней догадка,
Нет – так будет чуть позднее, не уронит Ольга честь.

Во дворце и по хозяйству тридцать лет княгиня правит,
Многочисленная челядь знает дел привычных круг,
Ольга голос не возвысит, но вниманьем не оставит
Даже малую промашку и небрежность многих слуг.
Знает всяк, что как хранится, где сажать, когда полоть,
Кто же с ленью породнится – на конюшню и пороть.

Порка в виде исключений – вот снадобие от лени
И неплохо слуг лечило, возвращались бодрость, сила.
Кое в ком ещё изъян – бродят по двору, как тени,
Медовухи дёрнет жбан и с утра доволен, пьян.
Этих тоже, скажем прямо, Ольга вовсе не хвалила,
Также розгами лечила, для веселья праздник дан.

Кроме Киевских угодий, вёрст за шесть,
По Днепру у Ольги вроде городка поместье есть.
Рублен Вышгород по плану, как во княжестве отца,
Ольга с детскими мечтами не рассталась до конца.
Любит летом там бывать, у реки в лугах бродить,
В терему дубовом спать, баньку жарко истопить.
Ольга ездила в поместье по весне, как стает снег.
Как племянника невесте подарил ей град Олег.
Вновь отстроен, ладно скроен и оградой обнесён.
Люди сыты и одеты, старики живут подолгу,
Чистота, болезней нету с незапамятных времён,
Все довольны и при деле, не шатаются без толку,
Храм стоит на возвышенье, в большинстве народ крещён.

Ольгой писаны уставы, по закону тут живут,
Виноваты или правы – все суда княгини ждут.
Забывать уж люди стали о разбоях, о покражах,
Браки в храме освящали, стало жён поменьше даже.
Развиваются ремёсла и искусства есть простые.
Обустроить так же просто Ольга думает Россию.
Молода и энергична, Ольга много сделать может,
Образованна прилично, проницательна, умна,

Красотой своей отлична, с юною девицей схожа.
Вновь одна на хладном ложе, не княгиня – вновь княжна.

Высока и стройна станом, расплнела лишь слегка.
Под таинственным туманом очи Ольги – изумруды,
Брови чёрные, а волос – серебристая река.
Нет морщин в лице покуда и сильна её рука.
Да ещё княгиня вовсе ни на ком не терпит блуда,
Не бросает слов на ветер, не берёт их с потолка.

Поздней осени рассвет италийское зеркало
Тускло в стены отражало: ни тепла, ни света нет.
Повседневных дел пора, суеты пора настала,
По дворцу забот немало было до великих бед,
А теперь их больше стало.

Подают сенные девки умывание в кувшине:
Борисфенская вода и настой сушёной мяты.
Нет усталости следа на лице её в помине,
Внутри ушла беда княгини, мраком лишь душа объята.

Лёгкий завтрак овощной запивается отваром

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.